Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 3. С. 108–115. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 3, pp. 108–115. ISSN 1998-0817
Научная статья
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
Научная статья
УДК 821.161.1.09«19»
EDN VHBRIE
https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-3-108-115

«ЗАГНАТЬ КОРОВУ» ИЛИ «НАБИТЬ ОБРУЧ НА БОЧКУ»: О РАБОТЕ Л.Н. ТОЛСТОГО НАД РАССКАЗОМ «КОРНЕЙ ВАСИЛЬЕВ»

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва Россия; ведущий научный сотрудник, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, lanfra87@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4558-3153

Аннотация: В центре внимания автора статьи находится рассказ Л.Н. Толстого «Корней Васильев» (входит в книгу «Круг чтения»), который анализируется как отдельное завершенное произведение со своей творческой историей. Осмысляются мотивы, детали и подробности, которые были представлены в черновиках к рассказу, однако оказались свернутыми, ушли в подтекст финального произведения или, наоборот, были преобразованы и развиты в свете идей позднего Толстого. Изучение черновых материалов, как опубликованных ранее в Юбилейном полном собрании сочинений писателя, так и хранящихся в Отделе рукописей Государственного музея-заповедника Л.Н. Толстого, позволило основательнее и глубже раскрыть толстовскую концепцию, провести параллели эпизодов и сцен рассказа с ключевыми темами позднего творчества писателя. Важными являются соотнесения рассказа с повестью «Хаджи-Мурат», связанные со значением воспоминаний в жизни личности.

***Ключевые слова*:** Л.Н. Толстой, «Корней Васильев», творческая история, концепция, воспоминания, идея совершенствования, мотив прощения.

***Для цитирования*:** *Андреева В.Г.* «Загнать корову» или «набить обруч на бочку»: о работе Л.Н. Толстого над рассказом «Корней Васильев» // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 3. С. 108–115. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-3-108-115

Research Article

"TO DRIVE A COW" OR "TO FILL A BARREL WITH A HOOP": ON LEO TOLSTOY'S WORK ON THE STORY "KORNEI VASILIEV"

Valeria G. Andreeva, DSc in Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Leading Research Fellow, Kostroma State University, Russia, lanfra87@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4558-3153

Abstract. This article focuses on Leo Tolstoy's short story "Kornei Vasiliev" (included in the book "Circle of Reading"), analyzing it as a standalone, complete work with its own creative history. Motifs, details, and particulars presented in drafts of the story are explored, either condensed, relegated to the subtext of the final work, or, conversely, transformed and developed in light of Tolstoy's later ideas. Analysis of these drafts, both previously published in the Jubilee Complete Works and those held in the Manuscript Department of the Leo Tolstoy State Museum, allowed for a more thorough and in-depth analysis of Tolstoy's conception, drawing parallels between the story's episodes and scenes and key themes in the writer's later work. Important connections are made between the story and "Hadji Murat", which highlight the significance of memories in an individual's life.

Keywords: L.N. Tolstoy, "Kornei Vasiliev", creative history, concept, memories, idea of improvement, motive of forgiveness.

For citation: Andreeva V.G. "To Drive a Cow" or "to Fill a Barrel with a Hoop": On Leo Tolstoy's Work on the Story "Kornei Vasiliev". Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 3, pp. 108–115. (In Russ.) https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-3-108-115

© Андреева В.Г., 2026

В центре нашего внимания в статье находится рассказ Л.Н. Толстого «Корней Васильев», основа сюжетной истории которого была услышана писателем от сказителя былин В.П. Щеголенка еще в 1879 г. История, что легла в основу «Корнея Васильева», долго хранилась автором в памяти, но была использована при написании рассказа только в 1905 г., при работе над «Кругом чтения». Постараемся сопоставить замысел Толстого и его воплощение, осмыслить мотивы, детали и подробности, которые были представлены в черновиках к рассказу, однако оказались свернутыми, ушли в подтекст.

Рассказ достаточно краток, но при этом содержателен, в нем остались мотив неверности, идея разделения семьи и представление о том, какой должна быть настоящая семья, самое главное – идея переосмысления человеком собственного пути и возможность осознания глубинной связи людей. Включенность «Корнея Васильева» в «Круг чтения» подразумевает нахождение текста рассказа на пересечении важнейших смысловых координат: «“Круг чтения” – это ярчайший пример серьезной работы позднего Толстого с “чужим словом”, результат создания “новых узоров по старой канве”, подчас новых произведений» [Николаева: 41].

«Корней Васильев» был написан в течение трехчетырех месяцев 1905 г., то есть фактически тогда, когда в представлении Толстого сложилась вся концепция книги. Е.С. Серебровская кратко намечает историю работы Толстого над произведением: «Рассказ был начат, как помечено рукою А.Л. Толстой на обложке автографа, 22 февраля 1905 г., а закончен, как показывает авторская дата в конце рукописи, 25 февраля» [Серебровская: 600].

Рассказ уже становился объектом внимания ученых [Серебровская; Жданов; Дубова; Кочешкова; Романов и др.], однако немногочисленные работы, посвященные движению творческого замысла Толстого, как правило, касаются определенных эпизодов произведения. Так, В.А. Жданов в статье 1969 г. прослеживает «не создание произведения в целом, а работу писателя только над эпизодами двух встреч Корнея с женой» [Жданов: 152]. Он пишет, что «наспех внесенный в “Записную книжку” сюжет лишь отдаленно напоминает поэтический рассказ, завороживший Толстого. Писатель взял для себя самое главное – два эпизода: разрыв с неверной женой и возвращение немощного старика в родное село» [Жданов: 151].

В центре рассказа находится жизнь и судьба сначала богатого и успешного, а потом оставившего семью и быстро разорившегося мужика Корнея Васильева, одной из главных в произведении является *идея изменения человека*, которая была наглядно отражена в раннем названии рассказа «Чем был и чем стал» [Толстой 42: 474]. Фактически с этим первоначальным названием Толстой и намечает всю канву рассказа, однако начало работы над текстом сопровождается переменой названия на «Корней Васильев»[1]. В первоначальном названии идея трансформации была связана исключительно с главным героем, однако, по мысли писателя, преображение в итоге должно было коснуться не только его, но и жены Марфы.

В названии «Чем был и чем стал» читатель улавливает идею кардинальной однократной перемены, в большей степени даже внешней, но для Толстого гораздо более ценной была идея *внутреннего изменения Корнея*, его долгая неспособность отпустить злобу и ненависть по отношению к жене и внутреннее преображение незадолго до смерти.

В черновиках Толстой немалое внимание уделял деталям, связанным с описанием предшествующей службы Корнея. Интересно, что в первом автографе информация о военной службе героя также упоминается вскользь, достаточно кратко: «Два трехлетия ходил старшиной, а потом открыл в городе лавку» [Толстой 42: 474]. В последующих рукописных вариантах начала рассказа Толстой долгое время сохранял, несколько видоизменяя, следующее описание военной службы Корнея: «Он отбыл военную службу в гвардейском полку, был старшим унтер-офицером и каптенармусом»[2]. Обращение к данной теме в рассказе не случайно, Толстой в поздний период творчества резко отрицательно относился к воинской службе, армии, войскам, считая их причиной зла и развязывания войн.

При размышлении об истоках той злости, которую Корней Васильев испытывает к жене («Чем больше он бил, тем больше разгоралась в нем злоба» [Толстой 41: 210]), читателю Толстого сложно не найти *начало* этого чувства в том числе в военной службе, которая, по мнению Толстого, наиболее сильно и значительно развращает человека. Количество вычеркиваний и дополнений во фразе о военной службе Корнея по мере работы Толстого над рассказом указывает на повышенное внимание писателя к этой теме: «Он 20 лет тому назад отбыл военную службу в гвардейском полку, был старшим унтер-офицером и каптенармусом, и вернувшись со службы с деньгами открыл сначала в деревне, а потом в городе лавку и два трехлетия был уездным гласным»[3].

Толстой вычеркивает сначала информацию о гвардейском полку, следом – о звании Корнея. В череде следующих правок оказывается исключение должности каптенармуса, которая сохранялась достаточно долго. Толстой оставлял эту деталь длительное время, поскольку она логично связывалась с тем фактом, что Корней накопил денег за время службы, а потом открыл торговую лавку, ведь каптенармус – это военнослужащий, ведающий учетом, хранением и выдачей военного имущества: провианта, оружия, бое-

припасов, снаряжения. Как мы видим в итоговом тексте, мотив службы все-таки остается, однако Толстой убирает все «подсказки» для читателя.

Писатель предполагал на этапе «семейной жизни» героя рост благосостояния. Причиной некоторых изменений в деятельности героя и его сосредоточении на торговле скотиной оказывается желание писателя показать ложную сторону жизни – *отсутствие* у Корнея *работы*, связанной *с трудом земледельца*. Однако глубоко символично в итоговом тексте рассказа, что *бывший торговец скотиной не справляется с работой погонщика*: «В последний раз Корней нанялся в погонщики к скотине к незнакомому хозяину. Скотина заболела. Корней не был виноват, но хозяин рассердился и рассчитал и приказчика и его» [Толстой 41: 213]. Толстой подчеркивает, что то, что было объектом его покупки и продажи, вдруг оказалось не в его руках, не подвластным Корнею. При этом в художественном мире рассказа после долгой разлуки Корней видит Агафью именно во время *перегона стада*, как «гнавшую стадо молодайку» [Толстой 41: 212]. Конечно, торговлю скотиной только отдаленно можно соотносить с призывами позднего Толстого к вегетарианству. Но в рассказе Толстой показывает, как животные, которые как будто в отместку не давались в подчинение и управление Корнею, с легкостью слушаются его неродную, прижитую его женой Марфой дочь.

Внимательный читатель сразу же оценит и образ «отставшей хромой мокрой черной овцы» [Толстой 41: 212], на которую указывает мальчику Агафья. Не случайно и в черновиках к рассказу, и в итоговом тексте сразу после этой овцы происходит «узнавание» Корнея. Толстой метафорически показывает, что эта отбившаяся от стада, «заблудшая», но дорогая Господу овца фактически и есть Корней Васильев.

В черновиках к рассказу, в первом рукописном автографе Корней выгодно покупает рощу: «Все дела его спорились, пришлось выгодно купить рощу» [Толстой 42: 474]. В итоговом тексте герою не удастся купить землю, что является глубоко символичным фактом в контексте творчества позднего Толстого, его *отказа от земельной собственности*. В итоговом тексте он едет смотреть рощу, которую продает *разорившийся помещик*. Героя не беспокоит идея обогащения на чужом несчастье, однако после ухода из дома невозможность приобретения рощи становится первым знаком в ряду грядущих неудач Корнея и его собственного разорения.

Толстой показывает, что при наличии дома, причем даже богатого, Корней был его лишен. В черновиках писатель заявлял о наличии дома у Корнея: «*В деревне* у него *был дом* в два яруса, каменный под железо» (курсив мой. – *В. А.*) [Толстой 42: 474]. В итоговом тексте рассказа Толстой менее прямолинейно пишет о принадлежности дома герою: «у него был дом» заменяется на его дом: «В селе Гаях, в его каменном, крытом железом доме, жила старуха-мать…» [Толстой 41: 205]. Материальное владение и обладание не означает, как показывает Толстой, полную принадлежность и возможность радостного, правильного использования.

Корней владеет домом, он вроде бы и хозяин, однако только с материальной точки зрения, в своем доме он появляется редко, он там как гость. Толстой показывает, что Корней никогда не работал в доме так, как должен работать глава крестьянской семьи. В черновиках к рассказу писатель на протяжении определенного времени различал тех, кто *живет* в доме, и тех, кто в нем *работает* (при этом Корней не оказывался в числе одних или других). Интересно, что игра глаголами «жить – работать» продолжается и в итоговом тексте. Например, в момент, когда Корней пытается уличить Евстигнея Белого, с которым живет его супруга:

– У нас, значит, *живешь*? – спросил Корней.

– Что ж, надо где-нибудь *работать*, – отвечал Евстигней (курсив мой. – *В. А.*) [Толстой 41: 207].

Писатель рассуждал над фразой самого героя, которая должна была показать его *отстраненность* от жизни в Гаях: «“Ну что, как живете без меня?” – сказал Корней, пристально глядя на нее»[4]. В итоговом тексте эта фраза дана без пояснения. Мать благодарит сына за то, что тот *приехал проведать семью*. Ответ Корнея иллюстрирует, что поводом его поездки стало не желание увидеть домашних, а торговое дело: «Корней рассказал матери, по какому делу заехал…» [Толстой 41: 208].

У читателя закономерно возникает вопрос не только о семейной, но и о супружеской жизни Корнея и Марфы, поскольку речь в тексте идет о еще не старом мужчине и молодой, сильной женщине. Увеличение возраста героя с 43 лет в черновиках [Толстой 42: 474] до 54 лет в итоговом тексте, по всей видимости, было связано не только с продумыванием линии самого Корнея, иллюстрации наступления его старости через 15–17 лет после странствий. Изменение возраста Корнея увеличивало и разницу в годах между ним и женой. Скорее всего, Толстой намеренно исключил из текста некоторые детали, которые были в черновиках, поскольку они мало согласовывались с его поздней идеей благостного воздержания в чувственной жизни. Однако в данном случае перед нами законные супруги, поэтому и с позиции Толстого нахождение людей рядом необходимо.

Интересны в черновиках упоминания о приезде Марфы к Корнею в город. В первом автографе писатель отмечал: «Жена *приезжала раза два в месяц* к Корнею в город (за 30 верст), а на праздник он сам с дорогими гостинцами матушке и семье приезжал

в деревню» (курсив мой. – *В. А.*) [Толстой 42: 474]. В этом случае можно говорить хотя бы о регулярных встречах супругов. Но буквально сразу после начала внесения корректив Толстой изменяет *месяц* на *год*: «Жена *раза два в году приезжала* к Корнею в город (за 30 верст)» (курсив мой. – *В. А.*)[5]. Информация о приезде два раза в год переходит далее из одной рукописи в другую. Однако писатель в итоге совсем отказывается от этих предложений. В художественном мире рассказа получается, что Марфа и совсем мало виделась с мужем – исключительно в дни его редких приездов. Конечно, без толстовских указаний, которые были в черновиках, при чтении рассказа сложнее понять характер взаимоотношений Корнея и Марфы. Писатель намеренно убирал в подтекст многие детали и подробности, которые проясняли положение героев, создавали причинно-следственные связи. Толстому был необходим яркий акцент на образах и духовном переломе мужа и жены в итоге. Д.А. Романов проницательно показал, что «в отличие от многих поздних произведений Толстого “Корней Васильев” абсолютно не содержит прямых нравоучений, открытых авторских оценок, данных нарратором или вложенных в уста какого-либо героя-протагониста. Все выводы, которые прозрачны, но оттого не менее важны, делает сам читатель» [Романов: 8].

Изучение черновых материалов позволяет утверждать, что Толстой с начала работы над текстом предполагал *отсутствие у героев серьезного чувства друг к другу*. Однако ближе к финалу работы над текстом писатель фиксирует фразу, которая описывала первую встречу супругов, а также иллюстрировала наличие в Марфе тяги к мужу: «Марфа, услышав голоса, вышла в сени и, увидав мужа, вспыхнула, и, взяв его за уши, поцеловала»[6]. Толстой зачеркивает «взяв его за уши поцеловала», заменяя эту часть фразы на: «поздоровалась с ним»[7]. В итоговом тексте остается вариант с «поздоровалась», причем Толстой оставляет и глагол «вспыхнула», иллюстрирующий испуг и смущение одновременно: «Марфа, услыхав голоса, вышла в сени и, увидав мужа, вспыхнула и торопливо и особенно ласково поздоровалась с ним» [Толстой 41: 207].

В произведении нет и глубокого чувства Корнея к супруге. В черновиках герой испытывал двойственные отношения к жене: «…Но он любил ее красоту, гордился ею и старался не видеть, не помнить того дурного, что было в ней»[8]. Однако в итоговом тексте Корней владеет женой так, как будто товаром, не задумываясь о ее чувствах и состоянии.

В начальном автографе писатель не сообщал о первой жене Корнея, предполагая, что Марфа является его первой и единственной законной супругой. Однако, приступая к правкам, писатель упоминает о первой жене Корнея: «Первая жена его была слабая, бледная и умерла без детей»[9]. В окончательном тексте к характеристике первой жены Толстой добавляет эпитет «больная». Уходит в подтекст и мотив благодеяния Корнея по отношению к Марфе, который был в черновиках. Так, в начале рассказа Толстой сообщал: «И жена и мать жили в полном довольстве» [Толстой 42: 474], а далее, при воспоминаниях героя, было рассуждение о неблагодарности Марфы: «Сирота, нищая, взял ее из нужды. Все ей дал. И на же тебе… Что сделала!» [Толстой 42: 479]. Как мы уже отметили выше, Толстой убирает из финального текста все моменты, которые могли бы както обуславливать, связывать с прошлым гнев и злобу Корнея. Писатель делает акцент в итоге на сложности персонажей в борьбе с собственной злостью, на неспособности прощения, которая отравляет жизнь обоим супругам.

В ранних черновых материалах писатель не указывал, что чувства между Марфой и Евстигнеем могли зародиться *еще до женитьбы* Корнея на Марфе, однако в итоговом тексте получается именно так. Этот намек в окончательном рассказе дан в сцене поездки Корнея с извозчиком, дядей Кузьмой:

– Петра заболел. Взяла Евстигнея Белого из Каменки, – сказал Кузьма, – из своей деревни, значит.

– Вот как? – сказал Корней.

Еще когда Корней сватал Марфу, в народе что-то бабы болтали про Евстигнея [Толстой 41: 206].

Встреча с бедным Кузьмой усиливает сгущение социальных проблем в начале повествования. И тут уместно напомнить о том, что рассказ все-таки воспринимается *и в контексте всей книги «Круг чтения»*, которая, по мысли Толстого, должна была быть с читателем неотлучно, на протяжении года, предлагая ему материал для чтения, размышления и совершенствования на каждый день. А.В. Седов отметил, что немаловажное значение в «Круге чтения» имеет «рассмотрение системных проявлений социальной несправедливости, вызванных эгоистическим самообособлением и недостатком любви» [Седов: 27]. В «Корнее Васильеве» мотив жадности героя фактически не явлен в тексте, однако он проявляется в попытке Корнее сэкономить тридцать копеек на переезде до дома, не додав их Кузьме.

Если в черновиках Корней *выпытывал* у выпившего в корчме Кузьмы все то, что, по слухам, происходит у него дома, то в итоге пьяный Кузьма *сам делится всеми новостями*: «И как только захмелел, стал шепотом, пригибаясь к Корнею, рассказывать ему, что говорили в деревне» [Толстой 41: 207]. Толстой значительно упрощает характер Кузьмы, лишает этого второстепенного персонажа, простого мужика, вредности, злопамятности.

В первом автографе Толстой планировал, что в семье будет трое детей, два мальчика и девочка восьми

лет [Толстой 42: 476]. Однако писатель быстро меняет возраст девочки, значительно уменьшая его.

Писатель в ходе работы предполагал появление в доме Корнея еще кума Липата, который приходил поздравить с приездом. Толстой отказывается от этого визита, ему было важно оставить семью в сборе, но без гостей.

В финальном тексте последовательным и точным, с точки зрения психологии, является молчание героя, который подозревает жену и сердится: «Корней *молча* прошел мимо ее согнутой спины и, взяв узел, позвал Кузьму пить чай в большую избу»; «За чаем Корней *сидел насупившись и молчал*» (курсив мой. – *В. А.*) [Толстой 41: 208]. В черновиках к рассказу Толстой предполагал рассказы Корнея о Москве, разговоры с близкими (хотя с женой он не говорил): «Говорил с матушкой, рассказывал ей про Москву; и с ребятами, когда они пришли из школы» [Толстой 42: 476]; «…за чаем поговорил с матушкой и пришедшим соседом» [Толстой 42: 484]; «Корней расспрашивал про деревенские дела и рассказывал про Москву» [Толстой 42: 485]. Толстой убирает все разговоры, поскольку Корней в состоянии сильного переживания и заостренности на одном мучившем его вопросе не может вести беседу.

В первоначальном тексте не было значимого краткого разговора Марфы с работником. Толстой добавляет его, так как этот разговор подтверждает для Корнея, что между женой и работником есть какая-то тайна – возможно, любовная связь. Корней слышал об измене жены, теперь он видит разговаривающих наедине жену и работника, и наблюдение Корнея ложится на благодатную почту ревности. Решительным в переломе диалога и начала истязания жены становится вопрос Корнея, которым он был намерен уличить Марфу: «Что ты с ним в сенях говорила?» [Толстой 41: 209]. В контексте всего рассказа *важен ответ Марфы*. Интересно, что на протяжении почти всей истории работы над рассказом ответ ее был таким: «Говорила: *загони корову*» (курсив мой. – *В. А.*)[10]. Только в печатном тексте рассказа, внося итоговую правку, Толстой меняет ответ Марфы на тот, который мы видим в рассказе сейчас: «Что говорила. Говорила, *на бочку обруч набить надо*» (курсив мой. – *В. А.*)[11] [Толстой 41: 209]. Толстой не случайно делает особый акцент на этой фразе и меняет ее. Дело в том, что загнать корову Марфа могла и сама, это дело она могла поручить даже сыну, в целом любой член семьи мог загнать корову. Иное дело с бочкой и обручем – тут необходима сноровка, способность работать с инструментами, физическая сила. Толстой не случайно меняет «поручение» Марфы: он показывает *необходимость в крестьянском хозяйстве мужчины*. Действия Марфы оправдать нельзя, однако Толстой демонстрирует, что в измене Марфы повинен и Корней, оставивший жену в одиночестве на долгое время. Корнею и не нужно было многое для счастья семьи, лишь только жить дома с женой и трудиться вместе.

В диалоге с мужем Марфа ведет себя спокойно, злость в ней пробуждается только после побоев мужа, причем эта злость выглядит как *отражение* его негативного чувства. Об этом очень хорошо написал Д.А. Романов: «Слово злоба, не раз встречающееся в приведенных выше фрагментах, используется Толстым как обозначение своеобразного нравственного бумеранга, возвращающегося к человеку. <…> Поселенная Корнеем в его семье злоба в течение семнадцати лет тлеет неярким, но постоянным огнем и возвращается к нему, уже беспомощному старику» [Романов: 9].

Толстой значительно оттачивает по мере работы над рассказом первоначальный диалог Корнея и Марфы, убирая долго присутствовавшую в черновиках рассказа подробность о том, что от Марфы пахло вином – образ героини, по замыслу Толстого, не должен был отталкивать читателя.

В первом автографе Толстой еще не предполагал травму девочки во время ссоры и избиения Марфы, однако писатель быстро приходит к тому, как в порыве ненависти Корней отбрасывает в угол ребенка. В черновых материалах сцена избиения супруги и ее реакции на действия Корнея не была логически выверена и выстроена до мелочей. В итоговом тексте три реплики Марфы, обвиняющей мужа, выносящей ему своеобразный приговор, условно разделяют сцену на несколько частей. В процессе избиения Марфы Корней отбрасывает девочку, и тут мы слышим первый ожесточенный крик: «Разбойник! Ребенка убил» [Толстой 41: 210]. Избитая и получившая в ответ на свой крик особенно сильный удар, Марфа добавляет новую характеристику мужа: «Злодей постылый!» [Толстой 41: 210]. Далее она признается в том, что живет с Евстигнеем, что Агашка – это его дочь. Однако в Марфе в это время настолько силен дух противоречия и злобы, который передается ей от мужа, что читатель в какой-то момент начинает сомневаться в искренности слов Марфы – не сказаны ли они в отместку, назло. Наконец, третье обращение, звучащее наиболее злобно, срывается с губ Марфы, когда она видит уходящего Корнея: «Каторжник. Разбойник! Погоди ж ты. Али на тебя суда нет?» [Толстой 41: 211].

В черновиках Корней оставался ночевать в доме, закрываясь в комнате и не пуская стучавшихся к нему родных, однако Толстой отказывается от этого варианта развития событий: герой не удовлетворен до конца своей местью жене, он ненавидит ее за предательство, не может оставаться в собственном доме. В окончательном тексте Корней уезжает сразу, разбудив немого племянника, который довозит его до поезда.

Толстой продумывал еще фрагмент с появлением сына Корнея – Федьки. Этот фрагмент должен был напомнить Корнею, который выходит на крыльцо дома, о первом ребенке, его мальчике, остающемся дома без него:

Только Федька 10-летний малый протирал заспанные глаза, перебирая босыми ногами, вышел на крыльцо и молча смотрел на отца[12].

Выбежал 7-летний Федька, протирая глаза. «Батя», – сказал он, и увидав мрачное лицо отца, хотел заплакать, но решил, что не надо и удержался[13].

Однако писатель решает не изображать появление мальчика, которое могло задержать Корнея или вспомниться ему далее, привести его домой намного раньше, а не на склоне лет, ведь после своих неудач с работой Корней *вспоминал о доме и хотел вернуться*: «Домой ехать и стыдно было и злоба брала. “Проживут и без меня. Может, и мальчишка-то не мой”, – думал он» [Толстой 41: 213].

Вторая и последующие главы рассказа также изменялись Толстым в ходе работы, однако меньше, чем первая. Писатель изначально задумал выдать Агафью замуж за хорошего человека из богатой семьи, а дальше проиллюстрировать жизнь этой семьи, чтобы показать, как может по-другому складываться судьба мужчины и женщины при взаимном уважении.

По сравнению с черновиками, в итоговом тексте Толстой наделяет Агафью энергией молодости, силой, резвостью, которая противопоставляется немощи Корнея. Если в черновиках Агафья «шла», то в итоговом тексте она «перебегает быстрыми ногами то на ту, то на другую сторону дороги…» [Толстой 41: 212].

В окончательном тексте Толстой сокращает все отвлеченные рассуждения об изменении Корнея. Писателю не нужны афоризмы, толстовская лаконичность в «Корнее Васильеве» связана с максимально емкой, но *поэтической* подачей материала.

Наиболее ярким и значимым примером видится нам творческое использование Толстым в «Корнее Васильеве» *воспоминаний*. М.А. Дубова отметила, что особую специфику временному континууму рассказа придает тот факт, что оно реализуется в форме воспоминаний [Дубова: 209].

Ему странно и больно было *вспоминать* то, что он был прежде. И когда он вспоминал про это, он с ненавистью *вспоминал* про ту, кого он считал причиной всего того дурного, что он испытал в эти семнадцать лет (курсив мой. – *В. А.*) [Толстой 41: 213].

И, глядя на лицо молодайки, ему *вспомнился* вдруг Евстигней Белый с его голубыми глазами, и рука, державшая чашку, так задрожала, что он розлил половину чая, пока донес ее до стола (курсив мой. – *В. А.*) [Толстой 41: 215].

«Неужели Волчок?» – подумал он. И *вспомнил*, что тому было бы двадцать лет (курсив мой. – *В. А.*) [Толстой 41: 217].

После финального разговора Корнея и Марфы *воспоминания* передаются героине:

Когда Марфа уверилась, что старик ушел, она села за стан и стала ткать. Она ударила раз десяток бердом, но руки не шли, она остановилась и стала думать и *вспоминать*, каким она сейчас видела Корнея… (курсив мой. – *В. А.*) [Толстой 41: 218].

Мы уже писали, что «главная роль воспоминания у Толстого заключается в сопряжении различных этапов личного пути человека, а также в соединении себя с людьми на основании не просто механической констатации, но осмысления Божественной мысли о мире, частицы Бога, присутствующей в каждом Его творении [Андреева 2023: 64]. В силу ограниченности своего взгляда, злости, которая была свойственна и Корнею, и Марфе, отсутствия стройной духовной жизни у обоих героев они не в состоянии сразу осмыслить глубокую связь своего пути с жизнью других людей, значимость этапов, которые они проходят. Герои постепенно приближаются к этому пониманию, в том числе *благодаря воспоминаниям* – мысленным воспроизведениям того, что было с ними, пониманию себя и своей роли в прошлом.

Примечательно, что огромное значение воспоминаний писатель показал в уже написанной к 1905 г. (времени работы над рассказом) повести «Хаджи-Мурат». По нашему мнению, в образе Корнея Васильева в рассказе Толстой показывает ту же ключевую и важную мысль, которая была связана с Хаджи-Муратом. Образы героев, масштаб их, истории и судьбы в повести и рассказе совершенно разные. Однако и Хаджи-Мурат, и Корней Васильев в художественных мирах повести и рассказа немало вспоминают свой путь, события собственной жизни.

Напомним, что историческая основа образа Хаджи-Мурата в одноименной повести позволила писателю проиллюстрировать собственное воспоминание и додумывание истории:

Для уяснения глубинных смыслов повести необходимо соотнести рассказ самого Хаджи-Мурата и его воспоминания, присутствующие в произведении, с тем фактом, что вся повесть, помимо «Пролога» и последнего предложения <…>, является *воспоминанием самого автора*, *дополненным его воображением*: «И мне *вспомнилась* одна давнишняя кавказская история, часть которой я видел, часть слышал от очевидцев, а часть вообразил себе. История эта, так как она сложилась в моем *воспоминании* и *воображении*, вот какая» [Андреева 2023: 64].

В анализируемом рассказе мы видим также сравнительно давнишнюю историю о «муже, ушедшем странствовать от жены», которую Толстой частично слышал от В.П. Щеголенка, а частично вообразил себе.

Перемены в тексте сильно не коснулись эпизодов, связанных с пребыванием Корнея в доме дочери. Толстой на протяжении всей работы сохраняет

крестьянский разговор о погоде и уборке, о разнице в результатах хозяйственных работ у помещиков и крестьян – Толстой показывал, что это отличие связано с участием работника в личном хозяйствовании, в *работе на себя, а не в наемном труде*[14]: «Не дается в руки хлеб. У помещиков проросли копны в поле. Только начнут возить, опять дождь. Мужички свезли. А у господ так дуром преет. А мыша в снопах – страсть» [Толстой 41: 215].

Исследователи обращали внимание на тот факт, что при работе Толстого над рассказом были использованы разные источники, в том числе «Житие Иакова Постника», «Одиссея» Гомера. Л.Е. Кочешкова отметила, что «оба эпизода “возвращения” Толстой пишет с опорой на “Одиссею”, по-разному обыгрывая текст древнегреческой поэмы» [Кочешкова: 168]. Несколько роднит рассказ «Корней Васильев» с поэмой Гомера использованный не один раз в тексте мотив узнавания, хотя Толстой, конечно, реализует его по-своему. Примечательно, что в черновиках имена Корнея и Агафьи, Корнея и Марфы в эпизодах их встречи после 17-летней разлуки назывались фактически сразу. В итоговом тексте в финальной сцене разговора с женой Толстой словно «бережет» обращение к ней Корнея по имени *до момента его прозрения*. Он говорит «Марфа!» только после исчезновения злости, копившейся в нем все эти годы.

Венчает произведение, становится ключевой во всем повествовании мысль о *прощении*. В черновиках Толстой употреблял лексему «*прощение*» еще до того, как Корней смог простить Марфу. К примеру, в рассказе повествователя о жизни героя на протяжении 17 лет вне дома есть такая часть фразы: «…а главное то, что он не мог простить» [Толстой 42: 480]. В итоговом тексте Толстой не допускает употребления указанной лексемы так рано и заменяет «отсутствие прощения» – обвинениями: «Чем хуже ему становилось, тем больше он обвинял ее и тем больше разгоралась его злоба на нее» [Толстой 41: 213]. В черновиках, в начале эпизода финальной беседы Корнея и Марфы, писатель подчеркивал желание героя: «Хотелось как-нибудь простить ей» [Толстой 42: 487]. В рассказе Толстой не говорит прямо о прощении Корнея, необходимом, в первую очередь, ему самому. Состояние героя описывается как отказ от злобы и приходящее после изменения душевного состояния умиление: «…и с удивлением чувствовал, что у него не было в душе той злобы на нее, которую он столько лет носил в себе, но какая-то умиленная слабость вдруг овладела им» [Толстой 41: 217].

В финальном тексте Корней перед смертью просит прощения у Агафьи, а сложным взаимоотношениям супругов, их испорченной жизни подводит итог финальный абзац о прощении, к сожалению, слишком запоздавшем. Найденный финал рассказа художественно лаконичен, делает весь рассказ особенно поучительным и рифмующимся с идеями осуждения и прощения, не раз поднимающимися в «Круге чтения». Прощению посвящены все высказывания в книге за 30 июля, приведем лишь одно из них:

Кто не умеет прощать, разрушает мост, через который ему самому придется проходить, ибо всякий человек нуждается в прощении (Лорд Герберт) [Толстой 41: 539].

Неразумности осуждения ближнего и прощению как необходимому итогу посвящены записи от 6 ноября, обратимся к почти финальной из них:

Мы все дурны, и потому все то, что мы осуждаем в других, мы всегда найдем в себе. Давайте же прощать друг другу. Одно средство жить нам в мире – это взаимное прощение [Толстой 42: 232].

Примечания

[1] Отдел рукописей Государственного музея-заповедника Л.Н. Толстого (ОР ГМТ). П. 129. Оп. 2. Л. 1.

[2] ОР ГМТ. П. 129. Оп. 2. Л. 1.

[3] ОР ГМТ. П. 129. Оп. 5. Л. 3.

[4] ОР ГМТ. П. 130. Оп. 9. Л. 8

[5] ОР ГМТ. П. 129. Оп. 2. Л. 1.

[6] ОР ГМТ. П. 130. Оп. 11. Л. 8.

[7] ОР ГМТ. П. 130. Оп. 11. Л. 8.

[8] ОР ГМТ. П. 129. Оп. 7. Л. 4.

[9] ОР ГМТ. П. 129. Оп. 2. Л. 1.

[10] ОР ГМТ. П. 130. Оп. 11.2. Л. 14.

[11] ОР ГМТ. П. 130. Оп. 14. Л. 6.

[12] ОР ГМТ. П. 129. Оп. 5. Л. 12.

[13] ОР ГМТ. П. 130. Оп. 11.2. Л. 19.

[14] Об идее опрощения и полного самообеспечения человека см.: [Андреева 2025].

Список литературы

Источники

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Москва: Худож. лит., 1928–1958.

Исследования

Андреева В.Г. Л.Н. Толстой об усадьбе XX в.: от «цивилизации машин» к новому природному дому восточного типа // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 3. С. 298–327. https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-298-327

Андреева В.Г. Художественное время в повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2023. № 2. С. 62–71. https://doi.org/10.20339/PhS.2-23.062

Дубова М.А. Концептуальное содержание рассказа Л.Н. Толстого «Корней Васильев» // Наследие Л.Н. Толстого в парадигмах современной гуманитарной науки: сб. материалов XXXVI Междунар. Толстовских чтений, посвящ. 190-летию со дня рожде-

ния Л.Н. Толстого. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2018. С. 208–213.

Жданов В.А. К творческой истории рассказа Л.Н. Толстого «Корней Васильев» // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: сб. ст. к 90-летию Н.К. Пиксанова. Ленинград: Наука, 1969. С. 150–159.

Кочешкова Л.Е. «Гомеровское» в рассказе Л.Н. Толстого «Корней Васильев»: к проблеме поэтики поздних произведений писателя // Материалы научных сессий 2022 г. в государственном музее Л.Н. Толстого. Москва: РГ-Пресс, 2023. С. 165–172.

Николаева С.Ю. Ф.И. Тютчев и И.С. Тургенев в восприятии Л.Н. Толстого (книга «Круг чтения») // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2019. № 1 (60). С. 41–50.

Романов Д.А. Путь героя в рассказе Л.Н. Толстого «Корней Васильев» // «Малая проза» Л.Н. Толстого начала XX века: язык и стиль. Тула: Тульский полиграфист, 2025. С. 6–12.

Седов А.В. Осмысление проблем социальной справедливости в «Круге чтения» Л.Н. Толстого // Проблемы социальной справедливости и современный мир. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2016. С. 24–29.

Серебровская Е.С. «Корней Васильев» Л.Н. Толстого // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 42. Москва: Худож. лит., 1957. С. 599–604.

Тулякова А.А. Читатель на распутье: «дублетные сюжеты» в «Круге чтения» Л.Н. Толстого // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 39–44.

References

Andreeva V.G. *«L.N. Tolstoi ob usadbe XX v.: ot ‘tsivilizatsii mashin’ k novomu prirodnomu domu vostochnogo tipa”* [“L.N. Tolstoy on the 20th-Century Estate: From the ‘Civilization of Machines’ to a New Natural House of the Eastern Type”]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two Centuries of Russian Classics], 2025, vol. 7, no. 3, pp. 298–327. https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-298-327. (In Russ.)

Andreeva V.G. *Khudozhestvennoe vremia v povesti L.N. Tolstogo «Khadzhi-Murat»* [Artistic Time in L.N. Tolstoy’s Story “Hadji Murat”]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Two Centuries of Russian Classics], 2023, no. 2, pp. 62–71. https://doi.org/10.20339/PhS.2-23.062. (In Russ.)

Dubova M.A. *Kontseptualnoe soderzhanie rasskaza L.N. Tolstogo «Kornei Vasilev»* [Conceptual Content of L.N. Tolstoy's Story “Kornei Vasiliev”]. *Nasledie L.N. Tolstogo v paradigmakh sovremennoi gumanitarnoi nauki* [The Heritage of L.N. Tolstoy in the Paradigms of Contemporary Humanities]. Tula, TGPU Publ., 2018, pp. 208–213. (In Russ.)

Kocheshkova L.E. *«Gomerovskoe» v rasskaze L.N. Tolstogo «Kornei Vasilev»: k probleme poetiki pozdnikh proizvedenii pisatelia* [“Homeric” in L.N. Tolstoy’s Short Story “Kornei Vasiliev”: On the Problem of the Poetics of the Writer's Late Works]. *Materialy nauchnykh sessii 2022 g. v gosudarstvennom muzee L.N. Tolstogo* [Proceedings of the 2022 Scientific Sessions at the L.N. Tolstoy State Museum]. Moscow, RG-Press Publ., 2023, pp. 165–172. (In Russ.)

Nikolaeva S.Iu. *F.I. Tiutchev i I.S. Turgenev v vospriiatii L.N. Tolstogo (kniga «Krug chteniia»)* [F.I. Tyutchev and I.S. Turgenev in the Perception of L.N. Tolstoy (the book “Circle of Reading”)]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiia* [Bulletin of Tver State University. Series: Philology], 2019, no. 1 (60), pp. 41–50. (In Russ.)

Romanov D.A. *Put’ geroia v rasskaze L.N. Tolstogo «Kornei Vasilev»* [The Hero's Journey in L.N. Tolstoy's Short Story “Kornei Vasiliev”]. *«Malaia proza» L.N. Tolstogo nachala XX veka: iazyk i stil* [L.N. Tolstoy's “Short Prose” of the Early 20th Century: Language and Style]. Tula, Tulskii poligrafist Publ., 2025, pp. 6–12. (In Russ.)

Sedov A.V. *Osmyslenie problem sotsialnoi spravedlivosti v «Kruge chteniia» L.N. Tolstogo* [Understanding the Problems of Social Justice in L.N. Tolstoy's “Circle of Reading”]. *Problemy sotsialnoi spravedlivosti i sovremennyi mir* [Problems of Social Justice and the Modern World]. Cherepovets, Cherepovets State University Publ., 2016, pp. 24–29. (In Russ.)

Serebrovskaia E.S. *«Kornei Vasilev» L.N. Tolstogo* [“Korney Vasiliev” by L.N. Tolstoy]. *Tolstoi L.N. Poln. sobr. soch.: v 90 t. T. 42* [Complete Works: in 90 vols., vol. 42]. Moscow, Art Literature Publ., 1957, pp. 599–604. (In Russ.)

Tuliakova A.A. *Chitatel na raspute: «dubletnye siuzhety» v «Kruge chteniia» L.N. Tolstogo* [Reader at a Crossroads: “Double Plots” in L.N. Tolstoy’s “Circle of Reading”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tver State University. Series: Philology], 2018, no. 430, pp. 39–44. (In Russ.)

Zhdanov V.A. Ktvorcheskoi *istorii rasskaza L.N. Tolstogo «Kornei Vasilev»* [On the Creative History of L.N. Tolstoy’s Short Story “Kornei Vasiliev”]. *Ot «Slova o polku Igoreve» do «Tikhogo Dona»: sb. st. k 90-letiiu N.K. Piksanova* [From “The Tale of Igor's Campaign” to “And Quiet Flows the Don”: a Collection of Articles for the 90th Anniversary of N.K. Piksanov]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, pp. 150–159. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 22.05.2026; принята к публикации 10.09.2026.

The article was submitted 15.04.2026; approved after reviewing 22.05.2026; accepted for publication 10.09.2026.